

ловского кордона под г. Воронежем занимает площадь свыше 20 га), связанные с их долговременным существованием и многочисленным населением, резко отличают их от миниатюрных дяковских поселений. С другой стороны, авторам книги удалось показать, что воронежские городища не являются исключением из общего комплекса русских памятников второй половины I тысячелетия н. э., идущих сплошной полосой от Воронежа и Дона на запад — к Сейму, Пелу, Ворскле и известных по верхней и средней Оке, по Днепру, в верхнем Поволжье и в области земли Новгородской, до берегов Чудского и Ладожского озер, а представляют собой одну из территориальных групп этих памятников.

В VIII—X вв. бассейн Дона, удаленный от основных центров формирующейся русской государственности, являлся глухой окраиной. В быту местного населения сохранились многие архаические черты, присущие до-киевской Руси. Это обстоятельство делает публикуемые материалы особенно интересными, так как они проливают свет на эпоху, в настоящее время менее всего исследованную.

Наибольший интерес из материалов раскопок представляют открытые авторами данного исследования многочисленные жилища славянского населения Подонья IX—X вв. (раскопки 1928—1929 гг.). Эти материалы позволили авторам книги сделать интересные выводы об общественных отношениях населения изучаемых городищ.

Все раскопанные жилища поселений можно разделить на два типа: к первому относится группа жилищ, соединенных внутренними переходами (Большое Боршевское городище), ко второму — жилища, расположенные по одному или совсем небольшими группами. По мнению П. П. Ефименко и П. Н. Третьякова, жилища первого типа принадлежали большой патриархальной семье. С этим нельзя не согласиться. Но следующее заключение авторов, которое усиливает предыдущий вывод: «Соединение многих жилищ в одно целое всегда находит объяснение в прочных еще устоях родового строя» (стр. 11) — в данном контексте звучит неубедительно. По определению самих же авторов, Большое Боршевское городище относится к IX—X вв., и говорить о «прочных еще устоях родового строя» относительно этого времени было бы неправильно, тем более, что за этим утверждением идет вывод о жилищах второго типа: «Возможно, что в этом следует видеть хозяйственное обособление отдельных семей, возникающее в процессе распада старых родовых связей, что вполне естественно ожидать в эпоху IX—X вв.». Повидимому, авторы хотели сказать, что соединение многих жилищ в одно целое, так называемые «длинные дома», вообще характерно для эпохи родового строя, но отсюда отнюдь не следует вывод, что население Большого Боршевского городища в IX—X вв. жило еще в эпоху расцвета родового строя. Ведь так именно можно понимать выражение «прочные устои».

Нам кажется, что какой бы далекой окраиной восточного славянства область Подонья ни была, все же правильнее говорить о преемниках родового строя в IX—X вв. на данной территории, нежели о его «прочных устоях». Авторы сами говорят, что в исследуемую ими эпоху «заканчивается родоплеменной период русской истории» (стр. 14). Может быть, следовало более четко хронологически расчленить весь имеющийся материал городищ для того, чтобы выделить более раннюю стадию их существования, тем более, что на основании курганного материала сопредельной области это сделать удается¹.

Постоянно подчеркивая «примитивность» и «архаичность» (стр. 45) вещественного материала Большого Боршевского городища, авторы, однако, отодвигают нижнюю хронологическую границу воронежских городищ не далее VIII в. (стр. 8). Добытые раскопками материалы воронежских городищ (жернова, закрома с зёрнами пшеницы, ямы для хранения зерна и т. д.) в сочетании с письменными источниками позволяют охарактеризовать состояние хозяйства воронежских городищ IX—X веками.

Отмечая развитие всевозможных лесных промыслов и скотоводства, авторы исследования делают вывод, что «Основой хозяйственной деятельности славянского насе-

¹ Исследованные Н. И. Булычевым и В. А. Городцовым курганы с трупосожжением на средней Оке относятся к V—VII вв.

ления Подонья в IX—X вв. были, однако, не охота и рыболовство, а пашенное земледелие» (стр. 12). Этот вывод, вполне оправданный опубликованными в данной книге материалами, является лишним доказательством того, что родовой строй в этот период был в стадии разложения. Как известно, эпоха первобытно-общинного строя характеризуется началом земледелия и развитием скотоводства. Дальнейшее развитие земледелия говорит об изменении социальной структуры общества, когда на смену первобытно-общинному строю приходит общество классовое. «Затем патриархат сменился рабовладельческим строем, — тогда люди поддерживали своё существование сравнительно более развитым земледелием»¹.

Для того чтобы дорисовать облик хозяйства Подонья в IX—X вв., следует отметить еще и развитие ремесел — гончарного и металлургического. «Обнаруженные на городище у Кузнецовой дачи... остатки нескольких мастерских, где происходила выплавка кричного железа из местной железной руды, не оставляют сомнения в том, что добывание этого необходимого металла составляло одно из постоянных и важных занятий населения Городка. Однако с точки зрения металлургической это производство стояло еще на очень невысокой ступени развития» (стр. 13). Косвенным свидетельством слабого развития ремесла являются и частые находки изделий из рога и кости.

В таком виде рисуется, на основании археологических данных, социально-экономический и хозяйственный уклад населения Подонья в IX—X веках. Совершенно иную картину рисуют данные, относящиеся к XI—XIII вв. Как археологические, так и письменные источники в это время свидетельствуют об отсутствии русских памятников в бассейне р. Дона. Один русский поселок на Дону и два-три погребения с вещами XI—XIII вв. говорят о каких-то отдельных поселенцах, оторвавшихся от сплошного массива русского населения (стр. 7). Авторы книги объясняют такое разорение и опустошение юго-восточной окраины русских земель татаро-монгольским нашествием.

* * *

Следующие главы книги посвящены изданию самих археологических памятников.

Археологическая методика их исследования и критический анализ стоят на высоком уровне. Благодаря этому выводы, сделанные во вступительной главе, подробно обосновываются. Большой заслугой авторов является удачное сочетание тщательно изученных археологических и письменных источников.

Публикация «Древнерусские поселения на Дону» является ценным вкладом в нашу историческую науку.

Г. Н. Никольская

М. М. ГЕРАСИМОВ, Основы восстановления лица по черепу, 186 стр., 70 фотографий и рисунков, М., 1949.

Рецензируемая книга, удостоенная в 1950 г. Сталинской премии, состоит из введения и трех глав, представляющих по существу три взаимосвязанные, но самостоятельные работы. В введении автор кратко освещает историю восстановления лица человека по черепу различными учеными, начиная с семидесятых годов прошлого века, и дает критику методологические позиции и задачи, которые он ставит перед собой при создании реконструкций лица по черепу.

Более 20 лет назад, начиная свою работу над реконструкциями, М. М. Герасимов не предполагал возможным добиться портретного, индивидуализированного восстановления лица по черепу. Работая над реконструкциями лица по черепу ископаемого человека, М. М. Герасимов стремился лишь восстановить антропологический тип древних людей. И только по мере продвижения исследовательской работы над изуче-

¹ И. В. Сталин, Анархизм или социализм? Соч., т. 1, стр. 311.

нием соотношения костной ткани черепа и облегающих его мягких тканей М. М. Герасимов убедился в возможности объективного построения лица по черепу и создания портретной реконструкции. «Портретной реконструкцией, — пишет автор (стр. 5), — я называю такую, по которой возможно опознание — идентификация определенного лица по маске, воспроизведенной на его черепе. Маска ни в коей степени не является собственно портретом некогда жившего человека, это всего-навсего максимальное приближение к внешнему его виду». Далее автор подчеркивает, что, «в отличие от художественного портрета, реконструкция по черепу является не субъективным, а строго объективным изображением. Это как бы объективная скульптурная схема, воспроизведенная документально по черепу и максимально приближающаяся к внешнему виду субъекта, череп которого послужил основой для создания реконструкции».

Главную задачу своей книги М. М. Герасимов видит в том, чтобы познакомить читателей с основами восстановления лица по черепу. «Это только первый опыт сведения материала, т. е. предварительный этап к созданию собственной методики», — скромно пишет о своей работе автор (стр. 5).

В первой главе, озаглавленной «Материалы к созданию метода реконструкции лица по черепу», М. М. Герасимов знакомит читателей с теми соотношениями, которые существуют между костной тканью черепа и мягкими покровами лица, соотношениями, установленными главным образом в результате многолетней личной научно-исследовательской работы автора.

Для установления соотношений между черепом и мягкими тканями лица М. М. Герасимов изучал профильные рентгенограммы головы человека, препарировал трупы, делал вертикальные и горизонтальные распилы замороженных голов трупов, изучал отдельно строение мягких тканей лица и строение черепов различных расовых типов, людей разного пола и возраста. Автор приводит основанную на изучении рентгенограмм таблицу основных индивидуальных измерений (в миллиметрах) мягких покровов лица по медиальной линии для мужчин разного возраста — от 8 лет до 81 года (71 случай) и на основании этих данных дает профильные зарисовки соотношения строения черепа и мягких покровов. Попутно М. М. Герасимов дает глубокий анализ возрастной изменчивости лицевого скелета человека во взаимной связи с изменчивостью мягких тканей лица. Далее он останавливается на способах изучения асимметрии лица человека и значении этого фактора при построении реконструкции. Ниже подробно рассматриваются соотношения мягкого и костного носа и способы его восстановления, строение рта и губ, которые, как показывает автор, могут быть реконструированы на основании особенностей зубов и прикуса.

Очень интересны наблюдения М. М. Герасимова над соотношениями строения глазного яблока и век в связи с особенностями глазниц и переносья, а также над строением и положением подбородка в связи с особенностями нижней челюсти и способы их реконструкции.

Связь строения внешнего уха с особенностями черепа разработана слабее, чем другие разделы, но и здесь сделаны очень ценные наблюдения. Установление связи строения внешнего уха с особенностями строения черепа, естественно, является очень трудным вопросом и решается М. М. Герасимовым пока схематически.

Весь свой анализ связи костной и мягких тканей черепа М. М. Герасимов строит на основании изучения не только макро-, но и микрорельефа черепа. Затем автор дает короткий (пожалуй, даже излишне короткий) параграф, посвященный технике восстановления лица по черепу, и заканчивает главу описанием своих контрольных работ и использованием некоторых из этих контрольных работ в криминалистике. Контрольные опыты М. М. Герасимова ставились в разных учреждениях, но при одинаковых условиях. Ему предоставляли для реконструкции черепа, о которых М. М. Герасимову не сообщалось никаких данных, хотя в архивах учреждения хранились фотографии, маски или слепки лица, относящиеся к переданному М. М. Герасимову черепу, и лишь после завершения реконструкции производилось сравнение.

Так, в 1938 г. по поручению кафедры антропологии МГУ им была восстановлена голова паузаса, в 1940—1941 гг. по материалам Лефортовского морга М. М. Гераси-

мов дал реконструкции нескольких голов; в том же 1940 г. он сделал также очень интересную реконструкцию по черепу головы Марии Достоевской, матери писателя Ф. М. Достоевского. Все контрольные работы М. М. Герасимова прошли с большим успехом, о чем можно судить, с одной стороны, по приложенным фотографиям реконструкций и портретов и, с другой — по воспроизведенной в книге (стр. 50) копии выписки из протокола конференции кафедры судебной медицины 3-го Московского медицинского института от 20 февраля 1941 г.

Заслуживают большого внимания реконструкции М. М. Герасимова, сделанные по заданиям следственных органов, и, в особенности, работа по восстановлению по черепу лица Валентины Косовой, убитой ее мужем, который на основании работы М. М. Герасимова был уличен в преступлении (стр. 55—57). Также успешно был восстановлен М. М. Герасимовым (стр. 57—58) внешний облик Александра Б., погибшего при обороне Москвы в 1942 г. и опознанного в скульптурной реконструкции М. М. Герасимова матерью погибшего.

Наибольший интерес для историков представляют главы вторая и третья. На основе разработанной им методики восстановления лица по черепу М. М. Герасимов посвящает вторую главу изложению опыта «создания галереи портретов, иллюстрирующих расогенез и этногенез».

Эту галерею М. М. Герасимов открывает реконструкцией шимпанзе, австралопитека, питекантропа и синантропов, неандертальцев, людей верхнего палеолита и эппалеолита, неолита и энеолита, людей эпохи бронзы и железа с различных территорий, относящихся к различным племенным группировкам, разным культурам и различным антропологическим типам. В рецензируемой книге галерея антропологических типов показывается в сопровождении кратких археологических характеристик соответствующих эпох и культур с постановкой основных этногенетических проблем.

Среди типов людей, живших в эпоху бронзы и железа, в книге представлены фотографии-реконструкции людей, относящихся к фатьяновской, абашевской, срубной и ананьинской культурам территории Восточной Европы, андроновской и карасукской культурам Минусинского края.

Для читателей ВДИ особенный интерес представляют реконструкции представителей тех древних племен и народов, которые известны историкам по дошедшим до нас письменным источникам. Среди этой группы реконструкций следует назвать: 1) голову мужчины из области, прилегающей к Севанскому озеру, эпохи Урарту VIII в. до н. э., вероятного представителя одного из хурритских племен, входивших в состав Ванского царства, и 2) голову женщины, жившей в IX в. до н. э., восстановленную по черепу, взятому из самых ранних грунтовых могил древнего населения Иберии (Мцхета). На материале Мцхетского могильника, охватывающего период в две тысячи лет, М. М. Герасимов делает ряд реконструкций, ярко отражающих развитие антропологического типа населения за это время. Интересны реконструкции скифа по черепу из Никопольского погребения, гунна по черепу из Кенкольского могильника и ряд других.

Очень важны для понимания процесса этногенеза реконструкции типов древнего населения Средней Азии, начиная с I—II вв. нашей эры. Здесь должны быть названы скульптуры женщины-кангюйки I—II вв. из кургана на Северо-Ташкентском канале, а также людей III—IV вв., погребенных в Ширинсайском могильнике, согдийца V в. из оссуарного погребения с реки Таласа, людей древнего Хорезма VI в. и др.

Все эти реконструкции представляют большой интерес при изучении древних этнических групп, делая антропологические связи наглядными не только для специалистов-антропологов, но и для историков и широких кругов читателей.

Последняя, третья глава книги М. М. Герасимова посвящена реконструкции облика исторических лиц. Он публикует фотографии реконструкций лица по черепу Ярослава Мудрого, Андрея Боголюбского, Тимура, его сыновей Шахруха и Мироншаха и его внука — известного астронома своего времени Улуг-Бека.

В этой же главе М. М. Герасимов публикует фотографию реконструкции лица адми-

рала Ф. Ф. Ушакова. Как показали исследования М. М. Герасимова, сохранившийся живописный портрет адмирала Ушакова не соответствует особенностям строения черепа, в частности, очень широкой нижней челюсти, и дан в условной манере придворных живописцев XVIII в. При общем сходстве сохранившегося живописного портрета и скульптуры Герасимова последняя гораздо убедительнее передает энергичный облик знаменитого русского флотоводца.

Книга М. М. Герасимова, являющаяся итогом серьезного, более чем двадцатилетнего научно-исследовательского труда, освещает крупное научное открытие автора, добившегося портретной реконструкции лица человека по его черепу. М. М. Герасимов, археолог, антрополог и скульптор, подлинный новатор в науке, разработал научную методику восстановления лица человека по черепу, обогатив нашу страну большим открытием в новой области, в которой, как и в ряде других областей, советская наука опередила зарубежную.

М. М. Герасимов подошел к решению этой проблемы как советский ученый, владеющий методом марксизма-ленинизма в науке. При осуществлении своей работы он исходил не из идеалистических представлений, свойственных зарубежной буржуазной науке об отсутствии прямой связи между костной и мягкими тканями лица человека, а, наоборот, из представления о самой тесной связи и взаимной обусловленности формы и функции костной ткани и мягких частей лица и черепа, связанных с развитием и изменчивостью всего организма в целом. Эти положения он блестяще иллюстрировал рассмотрением возрастной изменчивости в строении лица, о чем мы уже говорили выше.

В своих реконструкциях различных расовых типов М. М. Герасимов был свободным от расистских предрассудков, с точки зрения которых буржуазными учеными прокладывалась резкая грань между различными «высшими» и «низшими» человеческими расами. М. М. Герасимов применял одну и ту же методику при реконструкции лица представителей различных рас. Благодаря этому реконструкции М. М. Герасимова получились объективно точными и соответствующими действительности, тогда как большинство буржуазных авторов предлагали различные способы построения лица по черепу для представителей разных рас, что вело к искажению облика этих людей. Подобные работы вели к утрированию расовых различий у человека.

Наконец, нельзя не отметить еще одной принципиальной особенности в методике Герасимова по сравнению с прежними реконструкциями зарубежных авторов. М. М. Герасимов в своих работах воспроизводит живой облик лица, точно соответствующий краниологическим данным, а не отвлеченный «средний» тип представителя той или иной расы.

Наконец, М. М. Герасимов при оформлении антропологического типа и этнического облика своих скульптур тщательно изучал археологические, исторические и этнографические данные. При создании скульптур исторических деятелей автором работы учитывались особенности исторической эпохи и этнической среды (ср., например, реконструкции лиц Ярослава Мудрого, Тимура, адмирала Ушакова и др).

Значение работ М. М. Герасимова исключительно велико для различных областей знания. Прежде всего надо отметить, что, создав методику реконструкции лица по черепу и добившись получения индивидуального портретного сходства, М. М. Герасимов, по существу, дал основы для создания новой отрасли антропологии. Целый ряд точных наблюдений о взаимосвязи между костной основой черепа и мягкими тканями войдет в практику работы антропологов и анатомов, что в дальнейшем может быть использовано в прикладных знаниях, как например, в области хирургической медицины и, в более широком объеме, чем теперь, — в криминалистике.

Значение работ М. М. Герасимова для освещения проблем антропогенеза и этногенеза трудно переоценить. Созданные М. М. Герасимовым убедительные образы ископаемых типов древних людей могут быть широко использованы в популяризации наших знаний о происхождении человека. При изучении проблем этногенеза использование данных не только краниологии, но и портретных реконструкций расширяет возможность сопоставления антропологических типов древнего населения с современным как

для антропологов, так и для историков и археологов. М. М. Герасимов в ряде случаев сам, используя данные археологии и полученные им реконструкции, успешно освещает вопросы формирования населения отдельных областей (см., например, главу о фатьяновской культуре, стр. 93—98).

Подробное рассмотрение всех разделов, посвященных автором конкретному освещению проблем этногенеза для разных эпох и народов, нуждается в специальной статье и не может быть дано в этой рецензии из-за недостатка места.

Восстановление облика исторических лиц, данное в работе Герасимова, имеет широкое общекультурное значение. Можно не сомневаться в том, что реконструированные Герасимовым объективные, правдивые образы исторических деятелей послужат материалом для художников и скульпторов при создании образов великих людей прошлого. Наконец, возможность восстанавливать облик раньше живших людей по черепу имеет широкое значение в популяризации исторических, археологических и антропологических данных, для преподавания в высшей и средней школе, в музеях и научно-популярных лекциях.

К недостаткам книги следует отнести, может быть, излишне краткое изложение техники реконструкции, что ставит перед автором необходимость подготовки и издания специальной инструкции.

Книга М. М. Герасимова завершает определенный этап работы автора над реконструкциями. Как он сам указывает, им заложены лишь основы восстановления лица по черепу. Перед автором еще стоит большая задача углубления и расширения научно-исследовательской работы для реконструкций различных морфологических и расовых типов. Необходимо также накопление материала для уточнения методики при построении женского и детского лица.

Книга Герасимова — большое событие в истории советской науки. Открытие метода пластической антропологической реконструкции, над которым безуспешно работали десятки зарубежных буржуазных исследователей, оказалось под силу лишь передовому советскому ученому-материалисту.

Г. Трофимова

В. В. ПАВЛОВ, Египетская скульптура в Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Малая пластика, Издательство ГМИИ, 1949, 96 стр. + таблицы, цена 18 руб., тираж 2 500 экз.

В Советском Союзе имеется всего два крупных собрания египетских древностей — Гос. Эрмитаж и ГМИИ, зато по составу своему оба они превосходны. Они включают в себя не только папирусы, заслуженно пользующиеся мировой известностью, и одно из лучших собраний коптских тканей и фаюмских портретов, но также первоклассные памятники скульптуры и прикладного искусства. Однако далеко не все памятники наших музеев опубликованы; имеющиеся описания кратки, не полны и, кроме того, не отражают ни современного состояния науки, ни самих собраний, значительно разросшихся за счет частных собраний, ставших после Великой Октябрьской социалистической революции достоянием народа.

Будучи неизданными или изданными в виде кратких описаний, интереснейшие египетские памятники отечественных музеев остаются почти вне внимания ученых. В недостаточной известности наших собраний повинны музейные работники, и в первую очередь работники египетского отдела Эрмитажа. Действительно, за все время они не выпустили ни одного описания своих фондов, если не считать более или менее кратких путеводителей по выставкам. Два тома «Истории искусства древнего Египта» и четыре тома «Трудов отдела Востока» свидетельствуют о том, что научные сотрудники отдела древнего Востока неверно понимают свои задачи. Вместо того, чтобы издавать действительно превосходные памятники, которые находятся в их ведении, они предпочитают